

RU

Славянские мотивы в трагедии Е. И. Замятина «Атилла»

Плаксицкая Н. А.

Аннотация. Цель исследования – определить функцию славянских мотивов в трагедии Е. Замятина «Атилла». В статье славянские мотивы рассмотрены в аспекте внутреннего резерва мотивного комплекса как одной из форм построения художественной целостности произведения, проявляющего особенности авторского присутствия в тексте. Научная новизна заключается в том, что в работе впервые рассмотрены формы репрезентации славянских мотивов в пьесе «Атилла» и определена их роль. Полученные результаты показали: славянские мотивы в тексте выступают своеобразными маркерами, проявляющими историософскую концепцию Е. Замятина, формирование которой шло с опорой на взгляды Д. И. Иловайского; функция славянских мотивов в пьесе состоит в референции не только художественных образов, но и всей художественно-смысловой структуры произведения.

EN

Slavic Motifs in E. I. Zamyatin's Tragedy "Atilla"

Plaksitskaya N. A.

Abstract. The purpose of the study is to determine the function of the Slavic motifs in E. Zamyatin's tragedy "Atilla". The article considers the Slavic motifs in the aspect of the internal reserve of the motif complex as one of the forms of ensuring artistic integrity of the work which displays features of the author's presence in the text. The study is novel in that it is the first to consider forms of the Slavic motifs representation in the play "Atilla" and identify their role. The research findings have shown that the Slavic motifs in the text act as a kind of markers that manifest Zamyatin's historiographical concept, whose formation was based on D. I. Ilovaysky's views; the Slavic motifs function in the play is to reference not only artistic images but also the entire artistic-semantic structure of the work.

Введение

Мотивно-образная структура в произведении проявляет смысловую многозначность и многослойность художественного текста и выступает одним из способов выражения мировоззренческой концепции автора. Подход к творчеству Е. Замятина с данной позиции является очень продуктивным: позволяет судить о необычайной демонстративности метаобразности, предельной репрезентативности устойчивых художественных формул, отражающих мысли писателя об основах и принципах миропорядка и воспринимающихся как знак константности развития истории и культуры, где особенно важны такие факторы, как традиции и преемственность, что определяет актуальность нашей работы. Изучение славянских мотивов в трагедии «Атилла» помогает проникнуть в историософскую концепцию Е. Замятина, ядро которой – размышления о национальном характере и Российском государстве, прикоснуться к которым мы стараемся в рамках данной статьи.

В соответствии с целью в статье решаются следующие задачи: установить роль славянских мотивов в трагедии, изучить особенности их репрезентации в тексте. Для достижения поставленных целей применялись культурно-исторический, структурно-семантический и мотивный методы исследования. Комплексный подход, предложенный в статье, позволяет открыть новые грани изучения не только отдельных произведений Е. Замятина, но и всего творчества в целом.

Теоретической базой исследования послужили труды по этногенезу и этнологии: Д. Б. Бьюри [2; 30], Г. Дёрфера [31], Д. И. Иловайского [6; 7], Н. И. Костомарова [9], А. Котляревского [10], В. Н. Топорова [24], О. Н. Трубачева [25]. Вопрос функционирования славянских мотивов в творчестве Е. Замятина рассмотрен с опорой на работы Н. Н. Комлик [8], Е. А. Лядовой [15; 16].

Практическая значимость исследования заключается в том, что примененный в статье метод, полученные результаты могут быть использованы при анализе других произведений Е. Замятина, а общие выводы – в курсе истории русской литературы 20-30-х годов XX века.

Связь историософской концепции трагедии со «скифско-гуннской» теорией Д. И. Иловайского

В трагедии «Атилла» (используется орфография Е. Замятина), входящей в историческую дилогию о скифском правителе Атилле (в которую исследователи объединяют разножанровые тексты: роман «Бич Божий» и драму «Атилла»), писатель дает свой взгляд на мировую историю и, вслед за историком XIX века Д. Иловайским, развивает «роксоланскую» или «скифско-гуннскую» теорию славянского происхождения гуннов.

Д. И. Иловайский в решении вопроса генезиса русского народа и государства Российского забрался «далеко в глубь прошедших веков, привел в скифские и сарматские дебри; заставил пересмотреть и теории о других народностях» [6, с. 10]. Историк выдвигает предположение о существовании «около эпохи Рождества Христова» [7, с. 371] приазовской Руси [6, с. 477]. По его мнению, роксоланы «обитали в степях между Днепром и Доном и по берегам Меотийского озера» [7, с. 369] и «находились еще на степени кочевого или полукочевого быта» [Там же, с. 371]. Их территориальными соседями были родственные им племена болгар, которых, по мысли Иловайского, византийские историки и называли гуннами. Делая вывод относительно генезиса гуннов, Иловайский подчеркивает: «...если болгары, будучи славянами, в то же время были тождественны с гуннами, значит, гунны были не кем иным, как славянами» [6, с. 417]. Кроме того, византийские ученые, в частности позднеантичный дипломат, историк и писатель V века до н.э. Приск, указывали на особенности уклада жизни гуннов, во многом совпадающие с укладом жизни славянских племен. О том, что Е. Замятин разделяет точку зрения Иловайского о славянском генезисе гуннов и последовательно проводит ее в исторической дилогии о гуннском правителе, указывает запись в дневниках К. Чуковского, сделанная 9 ноября 1924 года: «Замятин говорил по телефону, что о нас (т.е. о “Современнике”) в “Правде” появилась подлая статья. Он сейчас пишет об Атилле – историческая повесть. – “Думал сперва, что выйдет рассказец, нет, очень захватывающая тема. Я стал читать материалы – вижу, тема куда интереснее, чем я думал”.

– Вы с “параллелями”?

– Обязательно. Ведь вы знаете, кто такие гунны были? Это были наши головотяпы, гужееды российские. Да, да, я уверен в этом» [27, с. 290]. А в неопубликованных комментариях «К постановке пьесы “Атилла”» Е. Замятин отмечал, что хотел представить Атиллу историческим деятелем масштаба Разина и Пугачева [16]. Концепция «Руси изначальной», выдвинутая Д. И. Иловайским, помогает писателю обнаружить созвучность современной ему эпохи с эпохой «великого переселения народов», поэтому не случайно, что *славянские мотивы* выступают одним из значимых элементов в трагедии и пронизывают всю ее художественную структуру.

Славянские этнонимы и лексика в трагедии

В первую очередь, славянские корни имеет происхождение имени самого Атиллы. В науке существует мнение, что имя Атилла связано с вариантом названия реки Волги у хазар – Atal/Atil. Хазарское племя являлось, по одной версии, соседним со славянами народом, по другой, родственным славянам народом, на что указывают такие ученые, как ирландский византист и филолог Д. Б. Бьюри [2; 30], германский лингвист и исследователь алтайских языков Г. Дёрфер [31]. В романе «Бич Божий» Замятин дает следующее объяснение имени Атиллы: «Они [хунны] прошли к реке, которой имя было Атил, ее называли также Ра, и еще позже – Волга. Было близко утро. Заря висела на небе клочьями, как куски сырого мяса, красными каплями падала на снег. Жена Мудьюга закричала так, что все остановились. Ее положили на войлок, на снегу она раздвинула ноги, ее распухший живот сотрясали судороги. Плечи у ребенка были такие широкие, что он, выходя, разорвал у матери все, и она умерла. По имени реки отец назвал его Атилла» [5, с. 377]. Следует заметить, что Ра является одним из древнейших славянских имен бога Солнца. В разговоре с К. Чуковским в 1924 году Е. Замятин на вопрос о том, кто такой Атилла, скажет: «Да и Атилла был русский. Атилла – одно из названий Волги» [27, с. 290].

Славянская линия прослеживается в именах и других действующих лиц трагедии. Так, героями пьесы становятся оратай Дулеб и Ятвяг, один из приближенных Атиллы. В данном случае Е. Замятин в качестве имен собственных использует этнонимы «дулеб» и «ятвяг». Известно, что народность ятвяги относилась к балтийской племенной группе, они были территориальными соседями славян. А о происхождении этнонима «дулебы» в науке существует несколько теорий. Так, О. Н. Трубочев, известный ученый-лингвист, этимолог XX века, вел его от германского *daud-laiba*, что значит «наследство умершего», и полагал, что он родом из западногерманского ареала, из Тюрингии [24, с. 244; 26]. Или считалось, что название «дулебы» происходит от церковно-славянского *доульбы* или «восходит к др.-русск. *дульби* мн. – этим термином обозначали союз восточнославянских племён или др.-русск. племя на Волины» [26, т. 4, с. 263]. А в «Повести временных лет» находим следующее замечание: «Когда же славянский народ, как мы говорили, жил на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были поселенцами на земле славян. <...> В те времена существовали и обры, воевали они против царя Ираклия и чуть было его не захватили. Эти обры воевали и против славян и притесняли дулебов – также славян, и творили насилие женам дулебским: бывало, когда поедет обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жен и везти его – обрина, – и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, и умом горды, и Бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и донныне: “Погибли, как обры”, – их же нет ни племени, ни потомства. <...> Дулебы же жили по Бугу, где ныне воляныне, а уличи

и тиверцы сидели по Днестру и возле Дуная. Было их множество: сидели они по Днестру до самого моря, и сохранились города их и донныне; и греки называли их “Великая Скифь” [20].

Кроме того, исследователями отмечается переключка сцены с Ятвягом, вернувшимся второй раз за данью, с историческим повествованием о князе Игоре, решившем вторично получить дань с древлян [16, с. 46].

На славянское происхождение гуннов в тексте драмы есть и прямые указания: так, гунны названы Е. Замятиным «склавленами, славами» – «общим названием всех славянских племен у раннесредневековых и ранневизантийских авторов» [1, с. 87]:

«Атилла.

Сенатор? Ха! К нам, варварам, сенатор?

Ведь нас они зовут *склавлены, славы* –

по-римски, а по-нашему – рабы» [4, с. 365] (курсив автора статьи. – Н. П.).

Е. Замятин не только наделяет своего героя – Атиллу – исконно русскими чертами, но и делает прямые отсылки к истории, традициям и быту древней Руси [16, с. 45]. Так и жена, и приближенные, и воины Атиллы обращаются к нему «князь», то есть «предводитель войска и правитель области в феодальной, удельной Руси» [23, т. 1, с. 536] («Дулеб. Ты милостлив, князь... и страшен» [4, с. 366], или «Керка. Супруг мой, князь – / живи и здравствуй» [Там же, с. 364] (курсив автора статьи. – Н. П.)).

Гуннские воины в драме названы «кмети», этим определением у славянских племен первоначально называли «почтенных поселян, собиравшихся на различные совещания: княжеские, окружные и сельские, чинивших иногда по приглашению тяжущихся суд между низшим классом» [12; 13, с. 83], позднее так стали именовать «земских воинов, ратников» [17, с. 110]. Слово «кмети» (или «кметы») встречается в древнерусских литературных памятниках, например, в «Слове о полку Игореве» кметами называют дружинников, витязей: «И рече ему (Игорю) Буи Турь Всеволодь: ...а мои ти Куряни свѣдоми *къмети*: подь трубами повити, подь шелома възлелѣяны, конець копия въскрѣмлени» [22, с. 7-8] (курсив автора статьи. – Н. П.). Д. С. Лихачев в комментарии к «Слову» отмечает, что слово «кмети» «приобрело значение “лучших отборных воинов”. Это видно из сочетания этого слова с эпитетом “сведомы”, т.е. “известные”» [14, с. 392]. В «Девгениевом деянии» «слово неизменно обозначает отборных воинов (например, “Аще имеши мужескую дерзость у себе и *кметы* твои, то отъими у мене тщерь свою” или “Где суть мои *кметы*... собра множество вой своих и кметы своя”» [19, с. 612] (курсив автора статьи. – Н. П.)).

Славянские отголоски чувствуются и в особенностях лексики героев пьесы. Так, Атилла называет покои своего убитого брата Вледы теремом – это традиционное «в древней Руси – жилое помещение в верхней части здания или отдельный дом в виде башни» [23, т. 1, с. 378]:

«Атилла.

Для них мне ничего не жаль – увидишь.

(Едекону)

Их друга Вледы *терем* опустел,

Отвесьь туда их...» [4, с. 372] (курсив автора статьи. – Н. П.).

В ночь после Каталаунской битвы Атилла слышит погребальные вопли и пение и называет это тризной: «Атилла. Как будто *тризна*? Плачут и поют...» [Там же, с. 391] (курсив автора статьи. – Н. П.). Тризна – элемент церемонии захоронения, «у древних славян поминки по умершим, сопровождавшиеся пиршеством» [23, т. 3, с. 418]. Например, в «Повести временных лет» находим: «А когда кто умирал... творили тризну над ним...» [20]. Тризна – это торжественное прощание с покойником, в которое во время похорон мужчины-воина в Древней Руси вводились игровые элементы битвы. С помощью этого ритуального действия славяне показывали смерти свою удачу, что они живы, и тем самым хотели отвести смерть от живых. Поэтому, услышав погребальное пение, Атилла надеется, что римское войско разбито и деморализовано, так как в бою пал его военачальник Аэций.

Дулеб пришел к Атилле «*бить челом*», или «челобитничать», что также ассоциативно отсылает читателя к быту древней Руси, где челобитие распространилось под влиянием Византии в XIV веке, являлось проявлением этикета и выражало крайнюю степень уважения, раболепия. Русский фольклор сохранил немало примеров приветственной семантики выражения «челом бить» [3, с. 238-252]: в «Повести о Горе-Злосчастии» «пришел молодец на честен пир, поклонился чудным образом, *бил челом* он добрым людям на все четыре стороны» [21, с. 9] (курсив автора статьи. – Н. П.). В пьесе Замятина простой крестьянин, проявляя высшую степень покорности и уважения, челобитием приветствует своего князя Атиллу. А на свадьбе Атиллы и Ильдегонды «посреди *палаты* (на Руси каменные жилые помещения) *Кобзарь* (так на Украине называли народных певцов) кончает *сказ*» [4, с. 404], то есть исполнитель эпических сказаний завершает свою песню, рассказ.

Восточнославянские (или старославянские) корни имеют и слова типа «*Любо!.. Лено!.. Лено!.. Ладь!..*», объяснение которых находим в этимологическом словаре Макса Фасмера: «лепо» (лёпый) – «красивый, прекрасный, изящный», и возводится к «леп, лёпа, лёпо, укр. ліпший “лучший”, ст.-слав. лѣпъ проѣков, дѣов, прѣлов (Супр., Клоц.), болг. леп “красивый”, сербохорв. лијеп, ж. лијѣпа, словен. lérp, ж. lěpa, чеш. lерú, сравн. степ. lерí, lерŕí, польск. lepszy, нареч. lеріеј “лучше”, в.-луж., н.-луж. lёру “красивый, хороший”» [26, т. 2, с. 485].

Согласно словарю М. Фасмера, многие глаголы и междометия, которые употребляют в речи гунны, имеют славянское происхождение: например, «*зырчь*» от «зырить» в значении «смотреть, тарашится» или «зреть», в значении «взор» укр. зріти, зрю, зриш, др.-русс. зьрѣти, зьрю, ст.-слав. зьрѣти, зьрѣж» [Там же, с. 109]; или «*щупь*» от «бщупь», в укр. «щўптати», в значении «трогать, касаться», или от «щўпта» (щепоть), др.-русс.

щупати в значении «осматривать, ощупывать» [Там же, т. 4, с. 510]; междометие «*цыть!*» от «цъцъ» – «то же, олонецк. (Кулик.). см. цы́кать. польск. *cyć* – то же, уже у В. Потоцкого, чеш. *cit* “тихо”, ономатопоэтическое образование» [Там же, с. 307].

Находим несколько толкований и возгласа-приветствия гуннов «*Пузу! Пузу!*», который означает или в украинском «звукоподражание, подобно крику филина или сыча», или «условное приветствие у запорожских казаков» [29, с. 318].

Е. А. Лядова подчеркивает также, что при анализе языкового уровня «Атилла» обращает на себя внимание наличие большого количества пословиц, поговорок, фразеологизмов, свойственных русской народной речи и образно выражающих национальное мировоззрение: «*лежит вверх брюхом*», «*побелел как баба*» [4, с. 414], «*рогами землю роет*» [Там же, с. 407], «*хороший враг – милее друга*», «*страшен враг не в поле, а в доме*» [Там же, с. 367], «*курячи мозги*» [Там же, с. 406], «*не тужи: были бы ножи, а бараны найдутся*» [Там же, с. 404], «*явился в посольской шкуре*» [Там же, с. 393], «*бешеный зверь*» [Там же, с. 383], «*ель не сосна, шумит неспроста*» [Там же, с. 410], «*попал карась на сковороду*» [Там же, с. 393], «*свалился, как муха в квас*» [Там же, с. 391] и т.д. «Речь римлян, – замечает исследователь, – свободна от имитации народной речи, менее образна и однородна. Авторская имитация фольклорной интонации проявляется в диалектных и просторечных элементах, в введении в пьесу большого количества междометных образований (*эй, ну, эх*), звукоподражаний (*гу-у-у, и-их*)» [16, с. 41].

Гунны, как и любой народ, жизнь которого связана с естественным миром природы, мыслят и воспринимают окружающий мир в образно-символическом, мифопоэтическом плане, поэтому в тексте очень много сравнительных оборотов и эпитетов. Так, Атилла для гуннов приходит, будто «солнце в небе» всходит [4, с. 363], сам владыка Скифии говорит, что хочет жить «через край, чтобы – как половодье» [Там же, с. 392]; о посланнике римлян Вигиле Атилла замечает, что тот пришел к нему «в посольской шкуре», а сам замышляет убийство. Ильдегонда «сдвинула брови, как крылья» [Там же, с. 407], «мечет глаза, как копья» или «молчит, как земля, как ночь» [Там же, с. 389], а битва на Каталаунских полях сравнивается с жатвой урожая:

«Атилла.

<...>

К закату словно жнец по полю,
снопами люди, головы – колосья,
и солнце – голова, в крови – скатилась» [Там же, с. 390].

Интересно, что в 1913 году Замятин примыкает к кружку «Заветов», членов которого объединяла задача, сформулированная Ремизовым: «...возродить русский лад... обогатить язык литературы сокровищами языка народного, вернуться к истокам – к языку Аввакума, старых житий, раскольников» [16, с. 39–40]. Поэтому «многие произведения писателя, – отмечают ученые, – по характеру изложения будут похожи на сказки, былины, притчи» [Там же, с. 47].

Фольклорные мотивы и образы славян в трагедии

Стремясь продемонстрировать, что русскому национальному сознанию присуще мифопоэтическое восприятие действительности, Е. Замятин обращается к традиционным фольклорным образам славян. В произведении возникает мотив живой воды, характерный для древнерусских сказок и былин:

«Атилла (*Скальду*).

Что, можешь ты такую песню спеть,
Чтобы *живой водой* жену мне сбрызнуть,

Чтобы огонь в глазах, чтоб улыбнулась?» [4, с. 408] (курсив автора статьи. – Н. П.).

В народных поверьях различали мертвую и живую воду: мертвая заживляет раны, соединяет члены мертвого тела, а живая возвращает к жизни, наполняет энергией. Но в пьесе «Атилла» фольклорно-мифологическая семантика живой воды трансформируется в символику животворящего пения, чудотворная сила которого возвращает к жизни Ильдегонду: «Да ты и в самом деле ее *живой водою* сбрызнул: румянец, солнце бьет из глаз!» [Там же, 409] (курсив автора статьи. – Н. П.). Таким образом, смысловой доминантой пения скальда становится его живительная, чудотворная сила, проявляемая писателем через введение мотива живой воды, что дает нам право говорить о слиянии в тексте двух мотивов: живой воды и волшебного, чарующего пения.

Близость племени гуннов к природе усиливается звучанием в трагедии *мотива стихии*, реализуемого через образы-символы бури, ливня и грозы. Отмечается два вектора развития мотива, в первую очередь со стихией ассоциируется сам вождь гуннов: «*Воин-бургунд*. Еще жив, но он бьется сейчас на стене, / откуда никто не уйдет живым: / сам Атилла там – впереди своих. / Как буря дыханьем вздымает волны, / пока не сокрушит все на пути, / так и он. Что же можем мы – против бури?» [Там же, с. 379] (курсив автора статьи. – Н. П.). Через сравнение с бурей раскрывается духовная мощь и физическая сила героя. Во-вторых, в трагедии буря, гроза, ливень наполняются семантикой обновления, революции и выступают символами приближающихся перемен:

«Атилла.

Скажи им, что гроза близка
и скоро хлынет ливень – да такой,

что смоем Рим с лица земли!» [Там же, с. 375] (курсив автора статьи. – Н. П.).

Такие метафоры и образы могли возникнуть только у народа, живущего не в каменной клетке «цивилизации», а природно-естественной жизнью на просторах лесов и степей в своем гармоничном мире, построенном в соответствии с законами естественной нравственности.

Мотивом, оттеняющим природность племени гуннов, становится и *мотив солнца*, которое для них, в первую очередь, воплощение жизненной силы, благодаря ему есть все сущее на земле. Не случайно «солнцем» гунны называют своего вождя Атиллу, объединившего под своей властью славянские и германские племена, благодаря которому и существовала могучая Скифия, простирающаяся от Волги до Дуная: «Атилл! Атилл! Как *солнце* в небе он взойдет сейчас» [Там же, с. 363] (курсив автора статьи. – Н. П.).

Солнце, по представлению древних славян, считалось сыном Сварога (санскритское *svár*) [28, с. 30-34], бога Неба и бога, который зажигает огонь и дает жизнь Солнцу (о почитании Сварога свидетельствуют, например, отдельные топонимы в Поднепровье: река Сваремя, приток Ирпеня, река Свара, приток реки Ипути; древнее городище Савара на реке Рось и др. [18, с. 50, 131]). Поэтому у древних славян солнце «представляет жизненную силу, страсть, храбрость и вечную молодость» [11, с. 311]. А отсюда еще в мифические времена солнце получило название “*svarias-svalias-svalius*”, то есть рожденное небом, блестящее, что совершенно закономерно и не противоречит лингвистическим данным. Мифолог С. Г. Бергман, опираясь на народные мифологические предания, этноним «славяне» связывал с древним мифом о происхождении славян от Солнца: он «в имени *svalius* видит упоминание о таком происхождении и допускает следующую перестановку плавных букв: *svalius-sval-slav-славянин*, то есть “рожденный Солнцем”» [Цит. по: 10, с. 134]. Мы находим «множество примеров таких перестановок в славянских языках: *ладонь – длань, медведь – ведмідь, све* (сербхорв.) – *все* и т.д.» [1, с. 89]. Солнце, всходившее над степями гуннов, как вариант круга, символа целостности, гармонии и постоянства, знаменует природность и вечное обновление жизни. Поэтому оно, являясь знаком мира гуннов, в противоборстве со змеей – в трагедии этот образ выступает маркером римлян, врагов Атиллы и его племени – может восприниматься, как «символ борьбы света и тьмы, небесных и хтонических сил» [11, с. 311], природы и цивилизации.

В пространстве Рима мотив солнца (духовное начало) трансформируется в мотив золота (драгоценный металл, деньги – материальное начало). Своим «вечным» золотом римляне хотели купить все: победу, жизнь, преданность. Однако «римское» золото не несет той живительной силы, присущей небесному светилу, оно становится лишь металлическими монетами, лишены жизни. Но этот драгоценный металл не имеет цены у «варваров», поэтому римским послам не удастся купить Едекона, ведь для гунна лучше смерть, чем предательство своего вождя, пусть даже его золотом «засыплет император с головы до ног» [4, с. 364].

В трагедии присутствует еще один фольклорный мотив, *мотив камня*, имеющий две коннотации, одна из которых связана с миром гуннов, а другая – с миром Рима и его союзников. Камень присутствует в описании «вечного» города, где холодный мрамор подчеркивает безжизненность и серую мертвечину некогда великой империи: «...под синим небом белые дворцы, / в дворцах поэты, флейты, пурпур, смех, / вино, огни, картины, книги, *мрамор*» [Там же, с. 396] (курсив автора статьи. – Н. П.). В пространстве бургундов камень не способен символизировать вечное и стабильное, ведь каменные стены крепости грозят рассыпаться в дребезги, как «*хрупь*» под ударами тарана варваров:

«*Вигила.*

Это новый таран подвезли,

Бьют где-то уже недалеко,

Вот-вот *посыпятся камни*» [Там же, с. 377] (курсив автора статьи. – Н. П.).

По-иному развивается мотив камня в мире гуннов, здесь камень – это овеществленная тяжкая ноша Атиллы, в котором «*два сердца бьются*» [Там же, с. 401]: одно – сердце человека, мужчины, влюбленного в дочь своего врага, другое – сердце гунна – смелого и жестокого воина, который предпочел бы скорее смерть, чем «*снюхаться с Римом*», «*как с псами пес*» [Там же, с. 368], сердце вождя своего народа, который дал свое «*крепкое, как меч*» [Там же, с. 400] слово убить Ильдегонду. Пытаясь побороть себя, Атилл хочет сдвинуть огромный камень, однако его страсть к красавице бургундке оказывается сильнее его самого, и побороть любовь к ней становится так же тяжело, как «*землю повернуть*» [Там же, с. 401].

Противопоставляя два разных народа, гуннов и римлян, писатель применяет фольклорный прием «психологического» и «природного» параллелизма. В трагедии гунны, живущие природно-естественной жизнью, сливаются с природой, соблюдают ее законы и порядки, а римляне, диаметрально ей противоположные, не замечают ее сигналы, оказываются в итоге противопоставленными не только ей, но и законам человеческой нравственности.

Заключение

На основании сказанного выше, можно сделать следующие выводы. Славянские мотивы в трагедии Замятина выступают многозначным элементом художественной структуры, объединяющим текст, стягивающим основные образы и мотивы произведения тугим узлом, соединяющим все смысловые и художественные слои. Функция славянских и, глубже, фольклорных мотивов и образов выходит за рамки только авторской характеристики персонажей. У Е. Замятина скифская, читай славянская, культура, являясь сосредоточением духовных идеалов, естественной нравственности, борется с эгоистической римской (цивилизаторской) этикой. Писатель

считает, что собственно разрушение традиционного уклада народной жизни, утрата связи с прошлой историей дали возможность процессу нигилистического разрушения всецело овладеть сознанием современного поколения и стали причиной серьезного нравственного кризиса, поэтому использование славянских мотивов, обращение к образам народной культуры в трагедии «Атилла» не случайно: с одной стороны, они помогают писателю обнажить глубину процесса распада, с другой – налицо противопоставление мифологического величия прошлого и духовного убожества настоящего, в котором истоков доброго начала писатель не находит.

Среди самых распространенных способов репрезентации славянских мотивов в тексте пьесы следует отметить использование славянских этнонимов и лексики, введение в большом количестве народных пословиц и поговорок, фольклорных образов славян. Данная работа может стать отправной точкой для дальнейшего исследования функции славянских мотивов в творчестве Е. Замятина в целом.

Список источников

1. Боровский Я. Е. О названии великой богини славян // Древние славяне и Киевская Русь: сборник научных трудов Академии наук Украинской ССР. Институт археологии. К.: Наукова думка, 1989. С. 84-92.
2. Бьюри Д. Б. Вторжение варваров в Европу. М.: Центрполиграф, 2013. 224 с.
3. Гребенщикова Н. С. История русского приветствия (на восточнославянском фоне): монография. Гродно: ГрГУ, 2004. 306 с.
4. Замятин Е. И. Атилла // Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 2004. Т. 3. Лица. С. 358-419.
5. Замятин Е. И. Бич божий // Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 2003. Т. 2. Русь. С. 369-435.
6. Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси: вместо введения в русскую историю. М.: Директ-Медиа, 2014. 514 с.
7. Иловайский Д. И. Рязанское Княжество. М.: Чарли; Алгоритм, 1997. 506 с.
8. Комлик Н. Н. Творческое наследие Е. И. Замятина в контексте традиций русской народной культуры. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2000. 265 с.
9. Костомаров Н. И. Славянская мифология: исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1995. 688 с.
10. Котляревский А. Мемуар Бергмана о скифах [Электронный ресурс] // Летописи русской литературы и древности, изданные Н. Тихонравовым: в 5-ти т. М.: Тип. Грачева и комп, 1859. Т. 1. С. 121-144. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003418598#?page=249> (дата обращения: 22.11.2020).
11. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1995. 401 с.
12. Къметь [Электронный ресурс] // Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6-ти вып. / сост. В. Л. Виноградова. М. - Л.: Наука, 1969. Вып. 3. Корабль - Нынешний. С. 43-45. URL: <http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/ss3/ss3-0431.htm> (дата обращения 22.11.2020).
13. Лавровский П. Несколько слов о значении и происхождении слова «кмет» // Москвитянин. 1853. Т. VI. № 24. Отд. 3. С. 83-87.
14. Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический [к «Слову о полку Игореве»] // Слово о полку Игореве / сост. Д. С. Лихачев; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. - Л.: АН СССР, 1950. С. 375-466.
15. Лядова Е. А. Историческая и структурно-поэтическая парадигма трагедии Е. Замятина «Атилла»: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тамбов, 2000. 24 с.
16. Лядова Е. А. Историческая и структурно-поэтическая парадигма трагедии Е. И. Замятина «Атилла»: дисс. ... к. филол. н. Тамбов, 2000. 185 с.
17. Максимович К. А. Моравизмы в древнерусском книжном языке: ст.-сл. къметь, др.-рус. кметъ // Russian Linguistics. 2004. Vol. 28. № 1. P. 109-123.
18. Маштаков П. Л. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913. 292 с.
19. Пичхадзе А. А. Языковые особенности древнерусских эпических текстов // Язык: поиски, факты, гипотезы. К 100-летию со дня рождения Н. Ю. Шведовой. М.: Лексрус, 2016. С. 605-620.
20. Повесть временных лет [Электронный ресурс] // Русская литература XI-XVIII вв. / древнерус. текст и пер. Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1988. С. 18-49. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/descr/PWL/povest.htm> (дата обращения: 27.04.2019).
21. Повесть о Горе-Злочастии / подгот. Д. С. Лихачев, Е. И. Валеева. Л.: Наука, 1985. 110 с.
22. Слово о полку Игореве / сост. Д. С. Лихачев; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 483 с.
23. Толковый словарь русского языка: в 3-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Вече; Мир книг, 2001. Т. 1. 704 с.; Т. 3. 672 с.
24. Топоров В. Н., Трубочев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: АН СССР, 1962. 271 с.
25. Трубочев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. М.: Наука, 2003. 489 с.
26. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. О. Н. Трубочева. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.; 1987. Т. 4. 864 с.
27. Чуковский К. И. Дневник (1901-1929). М.: Советский писатель, 1991. 544 с.

28. Шафарик П. И. О Свароге, боге языческих славян // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университетская типография, 1846. Кн. 1. С. 30-34.
29. Шевченко Л. И. Семантические типы междометий в украинском языке // Культура народов Причерноморья. 2007. Т. 2. № 110. С. 318-319.
30. Bury J. V. Later Roman Empire: From Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.) [Электронный ресурс]. URL: <http://socserv2.mcmaster.ca/~econ/ugcm/3ll3/bury/LateRomanEmpire01.pdf> (дата обращения: 27.11.2020).
31. Doerfer G. Zur Sprache der Hunnen // Central Asiatic Journal. 1973. Vol. 17. № 1. P. 1-50.

Информация об авторах | Author information

RU**Плаксицкая Наталья Александровна¹**, к. филол. н.¹ Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина**EN****Plaksitskaya Nataliya Aleksandrovna¹**, PhD¹ Yelets State University named after I. A. Bunin¹ nplak@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.03.2021; опубликовано (published): 30.04.2021.

Ключевые слова (keywords): Е. Замятин; славянские мотивы; мотив живой воды; мотив солнца; мотив стихии; мотив камня; E. Zamyatin; Slavic motifs; motif of life-giving water; motif of sun; motif of elements; motif of stone.